

Глава 1

День первый. Воскресенье

«Приезжай в Париж. Твоя сестра мертва».

Все остальные слова из электронного письма Себастьяна расплываются на фоне этих двух первых предложений. Мир снова свертывается, как свиток, и я судорожно глотаю воздух, будто только что впервые прочла письмо, а не тупо пялюсь на него уже черт знает сколько времени.

— *Nous sommes arrivés, mademoiselle*¹. — Водитель такси не повернул голову в мою сторону, ограничившись взглядом в зеркало заднего вида, но я заметила любопытство в его глазах. Он ставит машину на ручник, а потом коротким волосатым пальцем тычет в приборную доску, на которой тут же высвечивается стоимость моей поездки из аэропорта в евро. Дорога до Монмартра прошла как в тумане, несмотря на бешеный утренний трафик. Мимо по тротуару бегают дети, ошалевшие от длинных летних каникул, тут же валяются обертки

¹ Мы приехали, мадемуазель (фр.).

от фастфуда. Лавки проката фильмов для взрослых чередуются со стеклянными дверями, ведущими в жилые квартиры. Сквозь шум мотора доносятся голоса, кто-то говорит по-французски; парочка разглядывает аккордеон, лежащий на складном столике.

Я беру себя в руки, выключаю телефон и пытаюсь сообразить, сколько должна таксисту. Одна из вещей, которые мне нравятся в Европе, — это деньги. В отличие от американских, европейские строго выдерживают пропорцию между размером и номиналом. Крошечные десятицентовые монетки выглядят карликами по сравнению с пятидесятицентовыми, которые, в свою очередь, вдвое меньше монет в один евро. А вот изыски утонченного европейского дизайна меня совершенно не впечатляют.

Анжела родилась всего на две минуты раньше меня, но полностью забрала себе наследственное творческое начало, оставив на мою долю лишь прагматизм.

Где она теперь? Лежит в каком-нибудь выдвижном ящике, в холоде и одиночестве?

— *Merci, monsieur*².

Я кладу деньги в потную ладонь водителя и выхожу из машины. Парижане парами идут через площадь к метро «Пигаль». Создается впечатление, что ходить по двое здесь обязательно. Две белокурые девочки-близняшки прыгают через скакалку у фонтана, и у меня при виде их снова перехватывает горло. Над струями фонтана скрючилась

² Спасибо, месье (фр.).

статуя Персефоны. Лицо искажено тоской, а по щекам ползут слезы из голубинового дерьма.

Приехав в Париж, Анжела сразу же прислала мне фотографию на фоне Эйфелевой башни: темные волосы перевязаны шелковым платком, солнечные очки закрывают половину лица. Она уже в подростковом возрасте считала себя кем-то вроде Грейс Келли³. Чувство собственного достоинства и уверенность в том, что она легко может соперничать с любой принцессой, привлекали к ней как мужчин, так и женщин. Для меня же идеалом всегда была Мария Кюри.

Чего я только не передумала, получив первое письмо от Себастьяна об исчезновении Анжелы. Потом второе, третье письмо, и вот она мертва. Я пыталась объяснить все это как-то рационально: Анжела решила расстаться с ним и прекратила отвечать на его звонки. Анжела неожиданно уехала куда-нибудь в Турцию (это в ее стиле). Анжела среди ночи собрала вещи и ушла из дому, ничего ему не сказав. Моя сестричка любит драматические финалы даже больше, чем романтические завязки.

Я ошиблась. Прочитав в «Монд» о выстрелах в Сорбонне, где Анжела писала диссертацию, я повисла на телефоне. Послала ей штук десять сообщений на голосовую почту. Совершила больше дюжины звонков на разные номера парижской полиции, где раздраженные визави отказывались понимать мой скверный французский. И только когда американское посольство связалось со мной

³ Грейс Келли (1929–1982) — американская актриса, княгиня Монако. Считается иконой стиля.

как с ближайшей родственницей, я поняла, что это серьезно. А когда инспектор Валентин позвонил и сообщил, что это, скорее всего, убийство, до меня дошел весь ужас ситуации.

— Браслетики, мадемуазель? — парень в грязной футболке тычет мне прямо в нос связку плетеных красно-белых браслетов и пытается натянуть свой товар мне на руку, но я ору ему прямо в лицо:

— Нет!

Он отшатывается, будто я его ударила, — изумленно вскинув брови и приоткрыв рот. Я бормочу что-то невнятное, типа «мерси», но он уже переключился на кого-то другого.

Дыши глубже. Все уже произошло. Просто, фак, успокойся. Я трясусь сведенными в судороге кулаками, чтобы снизить в них напряжение, и поднимаю глаза к небу. Яркая синева, пронизанная тонкими перистыми облаками, охлаждает мой мозг, и сжимающий сердце страх медленно отступает.

Окна дома, в котором жила Анжела, выходят на фермерский рынок, расположенный на узкой улочке напротив станции метро. Здесь гораздо оживленнее, чем на таких рынках в Сан-Диего: люди целуются при встрече по-французски, в обе щеки, все радуются жизни. Откуда-то долетают звуки аккордеона, и этот милый узнаваемый саундтрек Парижа заставляет меня скрежетать зубами.

Я останавливаюсь у неказистой двери дома Анжелы и опускаю на землю спортивную сумку. Мы когда-то ездили в Париж с родителями, и я помню, что Монмартр стал центром парижского уличного искусства больше ста лет назад. Через каждые

пару метров вдоль улицы сидят художники с картинами и фотографы с черно-белыми работами.

Ничего не имею против изобразительного искусства, например анатомических атласов, карт нервной системы человека или эскизов восемнадцатого века. Картины, изображающие эмоции и чаяния, оставляют меня равнодушной, а неопределенные абстракции всегда казались мне пустой тратой времени.

Мне нужен смысл. Мне нужна определенность.

Анжела не такая. Сверхъестественная способность моей сестры-близнеца переживать по поводу малейшей неприятности, случившейся с кем-нибудь, была расхожим поводом для шуток в нашей семье. Мы шутили, что она не упустит и мухи, которую прихлопнули где-то за два квартала. Она эмоционально реагировала на все: на живопись, на книги... Ее мог запросто растрогать взгляд какого-нибудь пухленького мальчугана, который с завистью смотрит на проезжающий мимо грузовик с мороженым.

Однажды я читала, сидя на заднем дворе, и вдруг услышала ее плач. Я захлопнула книгу про динозавров и вскоре обнаружила сестру сидящей в нашем домике на дереве, где она с рыданиями оплакивала нечаянно раздавленную бабочку. Не зная, чем ее утешить, я обняла ее и сказала, что мы похороним бабочку со всеми почестями, чтобы она окаменела и превратилась в ископаемое, как динозавры. И однажды кто-нибудь найдет ее окаменевшее тело и обрадуется. В качестве гробика мы приспособили коробку от моего нового микроскопа,

подложив туда газету, надеясь, что так каменеть ей будет приятнее.

У кнопки домофона табличка с именем сестры — «ДАРБИ Анжела» — каждая клеточка моего тела начинает задыхаться от ужаса, что это реально. Я нажимаю кнопку. Какая-то часть меня надеется, что сейчас сестра ответит своим мелодичным голосом: «Привет, Мун».

Слезы застилают глаза: кажется, сейчас появится Анжела. Прислоняюсь к кованой решетке, щека жадно впитывает холод металла. Колени подкашиваются. Я уже готова разрыдаться, но тут за стеклом появляется парень. Я вздрагиваю и отступаю. Он открывает дверь, его высокая фигура едва вписывается в проем. Темные волосы аккуратно разделены пробором.

— *Bonjour, mademoiselle*⁴. Шейна?

Стараюсь взять себя в руки, понимая, что это бойфренд Анжелы. О существовании которого я не подозревала, пока не получила имейл.

— Да. Это я.

— А я Себастьян. Можно просто Себ, — добавляет он. Из-за акцента имя звучит как Себа́.

Аквамариновые стены узкого коридора подчеркивают блеск мраморной плитки на полу. Внутри ободряющая прохлада. Дверь за спиной захлопывается с глухим щелчком. Если бы меня встречала Анжела, а не этот Себа́... Она бросилась бы мне на шею, мгновенно забыв наши последние слова, сказанные в гневе, и сжала в объятиях до хруста

⁴ Добрый день, мадемуазель (*фр.*).

костей. Я бы, конечно, орала, требовала прекратить, но на самом деле мне бы это нравилось. Если бы она была жива.

Наши шаги гулко отдаются эхом в вестибюле, Себ ведет меня к винтовой железной лестнице мимо единственной двери с надписью «Консьерж». На первой полосе газеты, которая лежит на мохнатом коврикe у двери, чернеют жирные заголовки. Похоже на русский, но название боковой колонки написано латиницей: «*Traffic*». Почему-то это меня злит. Вместо того чтобы писать о смерти моей сестры, они публикуют заметки о проблемах уличного движения.

— Позволь? — Себ берет мою спортивную сумку и удивленно поднимает брови: она почти ничего не весит. Еще бы — там одежды всего на три дня. Мы гуськом поднимаемся по лестнице, но он вдруг резко оборачивается.

— Прости, — дрожащими пальцами он касается моих волос. — Ты так на нее похожа. Вот только...

— Глаза, да? Знаю. — Отодвигаюсь на безопасное расстояние. Выражение его лица настораживает. Это что, скорбь? Или желание? Желание Анжелы, разумеется. Жалкая замена того, что отнято у нас обоих.

Себ наклоняется ко мне, и от него несет какой-то затхлостью — так пахнет в библиотеке, или от пальто, извлеченного из кладовки.

— Извини. У тебя ведь один глаз зеленый?

Я киваю и вжимаюсь в перила лестницы. Металл больно впивается в поясницу.

— У Анжелы оба карие. Это единственное наше отличие. Фенотипическое.

Будучи однойцевыми близнецами, мы с Анжелой всю жизнь сталкивались с подобной реакцией. Косые взгляды, сдержанное хихиканье. Ничего нового, но как это тупо и бестактно со стороны Себа, и шок тут не оправдание.

— Необычно для китайки. То есть полукитайки. Этот зеленый, наверное, от шотландских предков. — Себ тяжело вздыхает. — Анжела очень гордилась вашим смешанным происхождением.

И тут Себ роняет мою сумку и начинает рыдать. Широкие плечи трясутся, большие руки закрывают лицо. Потом он хватается за сердце. Я оглядываюсь по сторонам в поисках помощи, но рядом никого нет. Вроде бы хочется посочувствовать и поделиться с ним своими переживаниями, воспоминаниями о сестре, как-то поддержать. Но вместо этого стою как вкопанная, надеясь, что приступ закончится так же быстро, как начался.

Себ всхлипывает сквозь пальцы.

Моя рука поднимается, нерешительно зависает над его спиной, а затем легонько похлопывает ее.

Понятия не имею, что тут можно сказать. Seriously. Я просто хочу исполнить свой долг и вернуться домой. Сама едва держусь, куда мне утешать других. При мысли о куче литературы, которую нужно изучить за оставшуюся до начала занятий неделю, мне становится дурно. Звучит бессердечно, но учёба в медицинской школе сейчас для меня важнее всего. Я шла к этой цели несколько лет. Мы с родителями запланировали мое поступление,

еще когда я училась в средней школе. И вот теперь все может стать реальностью. Анжела же, наоборот, презирала стандартные пути, ведущие к жизненному успеху. Она всегда, что называется, жевала багет в собственном ритме. Она была повернута на Второй мировой войне, литературе и искусстве с самого раннего детства. «Я не вписываюсь», — любила она говорить о себе. Поэтому и осталась в Париже, чтобы готовиться к защите диссертации по истории в Сорбонне.

По крайней мере, так она решила три года назад — в последний раз, когда мы разговаривали.

Наконец, Себ берет себя в руки.

— Извини. Все это очень тяжело. — Взгляд темно-синих глаз устремляется на меня. — Просто кошмар, ну, сама понимаешь. Анжела ведь твоя сестра. Это...

— Ничего. Давай уже поднимемся в квартиру, если ты готов, — наконец-то он перестал ныть. Может, я бессердечная? Нет. Просто прагматичная и рациональная и тоже скорблю, но по-своему.

Он еще некоторое время хлюпает носом, потом берет мою сумку и поднимается по лестнице.

Мы движемся скорбным шагом. У двери квартиры Себ поворачивается со слабой улыбкой и роется в карманах в поисках ключа. Наступает неловкая пауза.

— Прости, но я о тебе почти ничего не знаю, — говорю я. — Ты здесь живешь? Вы давно... Как долго ты был знаком с моей сестрой?

Он замирает, зажав в руке связку ключей с прицепленным к ней карманным фонариком.

— Она совсем ничего обо мне не рассказывала?

С трудом подбираю нужные слова, понимая, как это обидно.

— Нет. Последние три года мы не общались. После смерти родителей.

Он кивнул.

— Этого я и боялся. Она всегда была очень скрытной. Мы не жили вместе, но встречались почти год до того, как... до этой стрельбы.

Эти слова, произнесенные вслух, делают происходящее по-настоящему реальным, совсем не так, как дома, в Сан-Диего.

— Знаешь, твои имейлы немного сбили меня с толку. Сначала ты писал, что Анжела пропала во время стрельбы в университете, а потом — что она погибла. Я думала, ее застрелили, но в полиции говорят, что ее тело нашли в реке. Это правда? Это стрелок сбросил ее туда?

— Ты говорила через переводчика?

— Нет, инспектор говорил со мной по-английски, правда, связь была ужасная.

Себ поворачивает старинный ключ в замочной скважине серой двери, единственной в тупике коридора.

— Понятно. Я был так расстроен, когда писал, и, видимо, неясно выразился по-английски. Она пропала во время заварухи. Стрелок покончил с собой. А ее тело обнаружили спустя десять дней в Сене. Опознали только по татуировке. Полиция до сих пор не знает, кто ее убил.

— По татуировке?

— Ну да. На лодыжке. — Он наклоняется, чтобы поднять штанину, обнажая астрологический

символ Близнецов на ноге. Две вертикальные линии, ограниченные горизонтальными кривыми, — римская цифра «два», изогнутая сверху и снизу. — Мы сделали их одновременно, после того как она сказала, что я ее вторая половинка. Ее близнец. В переносном смысле, естественно, — добавляет он, наблюдая за моей реакцией.

Меня пронзает острая боль обиды. Анжела отказалась приехать на похороны родителей. А потом у нее хватило наглости заменить меня, единственного ее родного человека, этим охламоном с его переносным смыслом.

Но тут же мой гнев смывает холодная волна раскаяния. Наши пререкания навсегда остались в прошлом. Я уже не смогу помириться с ней и извиниться за свои эгоцентричные поступки. Моей сестры больше нет.

На глаза опять набегают слезы.

— Может, войдем?

Себ не двигается. Он кладет руку мне на плечо:

— Тебе придется сходить на опознание, а потом сможешь разобрать вещи в квартире? А еще, если можно, давай вместе попробуем восстановить ее последние часы. Полиция не знает, как она добралась от университета до реки. Мы должны выяснить, кто на нее напал и что произошло. Ведь это ты ее настоящая близняшка, — добавляет он, опустив голову.

Длинные ресницы, способные вызвать зависть у любой домохозяйки в округе Ориндж, слиплись от слез. Я согласно киваю. Конечно же, нужно постараться все выяснить. Встретиться с ее друзьями,

познакомиться с той жизнью, которую она выбрала для себя.

Себ открывает дверь и пропускает меня вперед. На белой доске над столом, расположенным в дальнем углу студии, я замечаю знакомые каракули. Сердце бьется быстрее при виде почерка Анжелы — возможно, это последние слова, которые она написала в жизни.

Но когда Себ закрывает дверь, кляцнув замком, я понимаю, что надпись на доске — не на английском и даже не на французском. А на нашем особенном языке, на котором мы с Анжелой общались в детстве, когда хотели, чтобы родители нас не поняли. Мы выросли, отдалились друг от друга, и эта игра почти забылась, оставшись навечно в тех блаженных временах.

Я подхожу поближе к доске и, пока Себ роется в холодильнике, всматриваюсь в буквы греческого алфавита.

Надпись, сделанная наклонным почерком, занимает большую часть доски. Среднестатистический ребенок из Сан-Диего, скорее всего, посчитал бы греческое письмо абракадаброй, тем более что многие буквы написаны вверх ногами или в зеркальном изображении. Но только не мы. Точки и черточки, стоящие над некоторыми буквами, придают посланию дополнительный смысл. Я уверенно пробегаю глазами знакомую вязь, словно с тех пор, как мы с сестрой в последний раз обменивались такими записками, прошли недели, а не годы.

Слова понятны, но смысл доходит не сразу. Я читаю во второй раз. Затем в третий. Моргаю, не

в силах поверить увиденному. Призрачное спокойствие, которое я почувствовала минутой раньше, мгновенно улечивается.

— Хочешь пить? Или есть? Как ты себя чувствуешь? — Себ гремит чем-то на кухне, но, заметив, что я не отвечаю, останавливается.

Каждый волосок на моих ногах, руках и затылке становится дыбом. Послание Анжелы ко мне гласит:

ЖИВА, НЕ ВЕРЬ НИКОМУ.

— Шейна? — голос Себастьяна врывается в мои уши. — Ты как?

Никому. Значит, и ему тоже? Человеку с ключами от ее квартиры и руками размером со сковородку.

Я поворачиваюсь лицом к его бочкообразной груди и поднимаю глаза.

— Просто умираю от жажды.